

С. С. Алексеев

Крушение права

С. С. АЛЕКСЕЕВ

КРУШЕНИЕ ПРАВА

Полемические заметки

Екатеринбург

2009

ББК 67.99(2)

А 47

Об авторе

Алексеев Сергей Сергеевич – научный руководитель программы «Становление и развитие частного права в России», заслуженный деятель науки РСФСР (1974), лауреат Государственной премии СССР (1977), член-корреспондент РАН (1987), почетный доктор Парижского университета (2000), доктор юридических наук (1961), профессор (1962).

Алексеев С. С.

А 47 Крушение права. Полемиические заметки / С. С. Алексеев.
– Екатеринбург: Институт частного права, 2009. – 32 с.
ISBN 978-5-98050-040-5

Обеспокоенность тяжелым глобальным кризисом подтолкнула автора к тому, чтобы под новым углом зрения вновь обратиться к раздумьям о роли права в жизни общества.

ББК 67.99(2)

ISBN 978-5-98050-040-5

© Алексеев С. С., 2009

Вступительное слово

ЭТИ ЗАМЕТКИ были написаны в основном в 2003–2004 годах. Они были задуманы как некий противовес только что завершённому моему итоговому труду – «Восхождение к праву», о чем я дальше еще скажу.

Что ж, не скрою, мое стремление возвысить право, его уникальную силу, невостребованный могучий потенциал наталкивалось на жесткие реалии тогдашней жизни, остро тревожили меня. Они в какой-то мере побудили внести известные коррективы во второе издание упомянутого труда и его краткое резюме – книгу «Тайна права» (недавно, в начале 2009 года переизданную под названием «Тайна и сила права»). При этом, как я вижу теперь, были использованы материалы и раздумья, выраженные в настоящих заметках. В то время мне показалось, что мои сомнения и тревоги нашли свое разрешение.

А ведь напрасно! Уже тогда, пять лет назад, наряду с неустанным подтверждением уникальной ценности права, надо было объявлять тревогу, бить в набат! Пусть даже шансы на это реально были более чем ничтожны.

Теперь же, когда мы все обеспокоены тяжелым глобальным кризисом, обрушившимся на людей нашей планеты, сама жизнь подтолкнула меня к тому, чтобы под новым углом зрения вновь обратиться к прежним раздумьям и разработкам. И тогда в своих архивах, запасниках я натолкнулся на почти уже забытые заметки. А они, как оказывается, по основным, решающим позициям как раз

и соответствуют острым вопросам сегодняшнего дня. Пришлось лишь произвести небольшую правку текста, обновить его и сделать краткие дополнения (раздел VI).

И вот выношу на суд читателя эти слегка обновленные заметки – надежды и тревоги прошлых и настоящих дней.

I

Надежда

ПОСТУПИВ в далекие послевоенные годы в силу сложившихся жизненных обстоятельств в юридический вуз, я сразу увлекся правом, поразившим меня удивительным соединением в нем самой что ни на есть прозы жизни и какой-то очень важной, но еще не совсем ясной и понятой глубины.

С тех пор всю жизнь и в научной сфере, и в практических делах я занимаюсь попытками постижения смысла права, и на этой основе – его возвышением, прежде всего, самой правовой материи и права гражданского – неувядаемого шедевра мировой культуры.

Скажу сразу: такое возвышение, казалось бы, не очень-то престижного в нашей стране явления, именуемого «правом», пропитанного, как известно, в то время казенщиной и формализмом, изначально имело налет наивных, романтических представлений. Оно, ясно же, было навеяно первыми после тягот и потрясений фронтовой жизни впечатлениями от учебы в юридическом вузе, наставничеством моих учителей – замечательных цивилистов из далекого, как казалось в то время, дореволюционного прошлого – Б. Б. Черепахина и А. М. Винавера, но все же еще чем-то более основательным, возможно – интуитивно уловленным представлением о том, что вот он – странный феномен, прошедший через все перипетии и ужасы истории, который способен противостоять страшной действительности того времени – войне, фашизму, режиму сталинского террора.

Возвышенное представление о праве во время учебы и работы в юридическом вузе утверждалось через сложные пути овладения правовой материей. Сначала – путем сугубо юридико-догматической, аналитической проработки норм и институтов гражданского права, раскрывающих незаменимую значимость частноправовых отношений в жизни людей, затем – в ходе размышлений о сути и ценности права, наконец (особенно после крушения в 1989–1993 гг. диктата марксистской идеологии) – посредством обоснования позитивного права в его единении с правом естественным в его высшем проявлении, в чем-то существенном – однопорядковым с христианством, с фундаментальными ценностями других мировых религий.

Для меня стали откровениями труды И. Канта с его потрясающей формулой: «Право – самое святое, что есть у Бога на земле», а также книга 1917 г. И. А. Покровского о гражданском праве с мыслью о праве как об удивительном самостоятельном феномене, во многом неподвластном государству.

Смею надеяться, что в результате этого, в конечном счете, в какой-то мере (в какой – не мне судить) удалось обрисовать суть и предназначение права как высшего достижения цивилизации и культуры, которому суждено стать центром и главенствующей силой в поведении людей, способного выступить в качестве стержня в сложных процессах и поворотах формирования и бытия современного гражданского общества, обителью и гарантом свободы людей, надеждой в години социальных кризисов и катастроф. При этом приоткрылись необыкновенные черты права, его «математическая» природа, сила и конструктивное совершенство, особенно в области гражданского, частного права, где, по словам И. Канта, человек раскрывается как «сам себе господин».

II Сила права

ТРИ ОСНОВНЫХ момента выражают указанные уникальные способности права.

Во-первых, право выступает в качестве *исконного, органического, конститутивного компонента самой структуры и существа цивилизации*. Ибо при становлении цивилизации, когда сообщество людей предстало перед необходимостью существовать и развиваться на основе частной собственности, рынка, автономии личности и др., не оказалось иного регулятора, который был бы способен обеспечить важнейшие компоненты системы функционирования и ответственности в сообществе людей, его нормальное, стабильное состояние и развитие. Прежде всего – строгую определенность в статусе и в содержании поведения людей, твердость, надежность в регулировании, жесткую гарантированность поведения, его результатов. Такого рода регулятор и был создан везде на планете, где то или иное сообщество людей переходило из состояния дикости на ступень цивилизации. Создан и увековечен (нет сомнений – навсегда, пока существует человечество) через законы, суды, другие институты в виде *системы общеобязательного нормативного регулирования*, поддерживаемой возможностью государственного принуждения.

Во-вторых, рожденный цивилизацией общеобязательный нормативный регулятор вполне закономерно на всех языках мира получил наименование, однопорядковое

с русским словом «право», что выражает глубокие достоинства права. Ибо созданный для людей – существ, наделенных разумом, он изначально, по самой своей природе является образованием, *рассчитанным на то, что оно так или иначе будет «выходить» на права субъектов, на человека.* С этой стороны право по изначальным импульсам и императивам цивилизации предстало как истинно гуманистическое явление.

И в-третьих, право как общеобязательный нормативный регулятор, рассчитанный на человека, за долгие тысячелетия своего функционирования отработал и накопил великое множество приемов, методов, форм, иных средств, обеспечивающих разумное и достойное решение самых сложных жизненных задач, ситуаций любой сложности в соответствии с импульсами и императивами цивилизации. Отсюда – многообразие правовых систем, типов и даже утонченных правовых конструкций (однотипных с конструкциями в технических, инженерных делах), что еще в далеком прошлом, в римском частном праве позволило рассматривать юридические средства и формы в качестве *ratio scripta*, то есть «писаного разума».

Исторические данные свидетельствуют, что именно право в своем развитии, юридически отработанном виде конструктивно решало многие сложные жизненные проблемы, кризисы и неизменно оставалось таким выдающимся инструментом цивилизации, который способен в полной мере раскрыть и обеспечить реализацию потенциала наиболее существенных свершений человечества – таких как частная собственность, свободный, конкурентный рынок, политическая демократия, высокий, достойный статус личности, ее неотъемлемые права.

Вместе с тем, исторический парадокс заключается в том, что на протяжении большей, подавляющей части человеческой истории право (точь-в-точь как частная собственность – знаменательное совпадение!) не проявило

весь свой потенциал, так и не стало постоянной и определяющей основой развития цивилизации.

Только в Новое время, открытое Великой французской революцией, право – и опять-таки точь-в-точь как частная собственность – стало раскрывать свои недюжинные уникальные возможности. Пусть, первоначально, – всего лишь достоинства эффективного общеобязательного нормативного регулятора.

И здесь важно вот какое уточнение. Указанные достоинства, выраженные в таких институтах как «закон» и «суд», использовались, пусть даже в упрощенном и властно заданном виде, и при авторитарных, и даже при тираннических режимах, где господствовало право власти и где для правящей власти требовались свои «порядок и дисциплина». Но после буржуазных демократических революций эти регулятивные достоинства потребовались не в упрощенном, а в строгом развернутом виде для обеспечения последовательно демократических начал, развития частнособственнической рыночной экономики и воспрепятствования произволу власти, что стало раскрывать уже более высокое, гуманистическое предназначение права.

Вот что по этому вопросу сказал выдающийся русский правовед-мыслитель, цивилист И. А. Покровский. В своем прекрасном труде, опубликованном летом 1917 года, за несколько месяцев до октябрьского большевистского переворота – вот такой жутко-тревожный, чуть ли не мистический знак! – наш отечественный правовед, описывая миссию права перед всесильной властью, в первую очередь обратил внимание на то, что «одно из первых и самых существенных требований, которые предъявляются к праву развивающейся человеческой личности, является требование определенности правовых норм». Причем, – продолжает И. А. Покровский, – дело «решительно меняется с того момента, когда возникает потребность в большей личной энергии и в большей личной инициативе,

тогда определенность права становится неперенным условием этих последних, становится вопросом самой личности. Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят. Логически это право на определенность правовых норм, – заключает автор, – есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, какое только себе можно представить; без него, в сущности, вообще ни о каком “праве” не может быть речи!¹.

Плюс к тому, на более высоком уровне достоинств права существуют и особенности именно как «права», выражающие его силу как исконного гуманистического социального образования.

И вновь в подтверждение этого сошлюсь на слова И. А. Покровского, который – к гордости нашей отечественной культуры – впервые напрямую связал право в его высоком значении с неотъемлемыми правами человека. «Есть, – говорит И. А. Покровский, – такие “неотъемлемые права человека” (*все это говорилось столетие назад – в далеком 1917 году!* – С. А.), которые никаким законом уничтожены быть не могут, которые даже для государства в целом недостижимы. Если всякое субъективное право, – продолжает правовед, – обеспечивает личность от произвола властей, то идея “неотъемлемых прав” направляется против государства как такового». «Самоутверждение личности, – пишет И. А. Покровский, – достигает здесь в юридическом отношении своего кульминационного пункта. Некогда безгласная овца в человеческом стаде, она заявляет теперь претензию на роль равноправной с государством державы»².

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 89.

² Покровский И. А. Указ. соч. С. 81.

III

Неудача

ТЕПЕРЬ О ГОРЕСТНЫХ моментах, которые стали обнаруживаться уже в годы, когда романтические правовые увлечения многих молодых правоведов России начали сменяться стремлением к пониманию жестких реалий нашего бытия.

Первый из этих горестных моментов таков.

В целом усилия правоведов (длительные, упорные, порой настырные) по утверждению указанных или аналогичных идей по возвеличиванию права в обществе *не увенчались успехом*. Не получили должного общественного признания ни в науке, ни в коллективном мнении, а главное, не состоялись в их практическом претворении в жизнь.

Конечно, надо видеть и обстоятельства, казалось бы, вполне позитивного характера. Что ни говори, эпоха права, открытая Французской буржуазной революцией и французским Гражданским кодексом 1804 г., прочно утвердилась в мире. После Второй мировой войны, вслед за разгромом человеконенавистнического режима и идеологии фашизма в качестве высшего гуманитарного начала восторжествовала идея неотъемлемых прав человека, их прямого действия, в социальной жизни обозначился своего рода разворот на Человека, на верховенство права. И это стало важнейшей составляющей мощного движения в условиях стремительного технического прогресса 1960–1970-х гг. к благополучию и процветанию многих демократических стран.

Утвердились в качестве общезначимых формулы «правовое государство», «верховенство права». Утонченную, воистину ювелирную разработку получили правовые категории в германском Гражданском уложении, в швейцарском Гражданском кодексе. Судьи, адвокаты, нотариусы заняли достойное место в жизни демократических обществ. В СССР (в России, в Украине, в Казахстане и других советских республиках) даже в условиях сталинской тирании удалось отстоять многие достижения отечественной и мировой юриспруденции, понимание права как значительной социальной ценности, основы общественной и государственной жизни, сложного общеобязательного нормативного феномена, величие и силу гражданского права.

Все это есть.

Но не произошло главного. Право в нынешнюю пору, в том числе и в странах, где реализовались, казалось бы, кардинальные демократические преобразования, не только подчас чуть ли не откровенно используется в пропагандистских и узко корыстных целях, как некое прикрытие своего антипода – фактической силовой политики, но и – что самое главное! – *реально не раскрылось в своих высших характеристиках, не заняло того высокого положения, которое оно по логике истории, исконной своей природе и требованиям жизни призвано занять.* То есть оно не стало высшим регулятором поведения людей в их практической жизни. Притом таким высшим регулятором, который призван обеспечивать свободу людей, высокое достоинство каждого человека, его неотъемлемые права.

Не менее прискорбен и другой горестный момент, сопряженный с только что отмеченным обстоятельством. В нынешнее время события в реальной жизни разворачиваются так, что основной поток фактических дел и отношений, требующих, по всем данным, правового обоснования и решения, *проходит мимо права* или, точнее, рядом

с ним, лишь время от времени, слегка – «по потребности» – с ним соприкасаясь.

Больше того. В мире произошли и более тревожные события. Это и нанесение странами НАТО во главе с США вопреки действующему международному правопорядку мощных ракетных и авиационных ударов по суверенному государству Югославия, которые причинили этой стране значительный экономический и экологический ущерб, унесли человеческие жизни. Это и осуществление США и рядом других стран под знаком «возмездия» после варварского нападения экстремистов 11 сентября 2001 года широкомасштабных военных действий против суверенных государств, подозреваемых в пособничестве международному терроризму, сначала – Афганистана, потом – Ирака.

В указанных обстоятельствах создается впечатление, что в даже в высокоразвитых демократических странах право, вспыхнув в свое время при расставании с тиранией эйфорией «верховенства» и «высшей святости» (или даже «правления права»), превратилось в нынешней благополучной, рыночной обстановке в некое рутинное явление обыденной практики – формально необходимое, но не очень престижное и пускаемое в дело «по необходимости», для оформления государственных решений, да и то лишь в той мере, которая согласуется с основными факторами современной жизни.

IV

Неудача и у нас, в России

ТЯЖЕЛЫЕ ПЕРИПЕТИИ, связанные с развитием права, не миновали и нашу страну – Россию.

Правда, в первые годы перемен (1985–1991 гг.) в СССР (России) – стране, насквозь пронизанной догмами и порядками сталинского тоталитарного режима, – задача утвердить верховенство права в его упомянутых выше характеристиках не ставилась. И не только потому, что в условиях того времени право согласно догмам марксизма трактовалось под углом зрения сугубо классово-диктаторских определений и не было условий для решения подобной задачи. В то время казалось, что для демократических перемен вполне достаточно знаний и разработок, основанных на аналитической юриспруденции, и общих представлений о строжайшей законности и ценности права как эффективного общеобязательного нормативного регулятора.

Впрочем, и на такой основе в 1989–1993 гг. в России (сначала – в СССР, потом – в Российской Федерации) произошел недолгий всплеск признания и возвышения права. Что, к счастью, нашло известное отражение в основополагающих юридических документах тех лет, призванных, будем надеяться, сыграть при строго юридической их интерпретации и точном применении немалую роль в жизни страны, – в Конституции РФ (1993 г.), в Гражданском кодексе РФ (1994–2006 гг.), в актах о свободе прессы, судебной реформе и некоторых других.

Примечательно, что с той поры и до настоящего времени, несмотря на горькие следы предшествующих десятилетий, никто не исключил из словесного обихода и официальной жизни формулы «верховенство Конституции», «приоритет закона», «правопорядок», работает множество юридических вузов, в том числе частных, коммерческих, выпускающих специалистов, именуемых «правоведами». Несмотря на ходячие штампы о будто бы «перепроизводстве юристов», резко востребованы в стране правоведы высокого класса. На книжных полках магазинов – большое количество монографий и учебников, посвященных праву, – «общая теория права», «уголовное право», «экологическое право», «право и кибернетика», «правовая психология» и прочие. Действует большой отряд дипломированных юристов, впрочем, состоящих в своем большинстве на службе государства и верно следующих его курсу.

Тем не менее, в России в годы перемен право в конечном итоге не заняло достойного места, особо важного для того, чтобы задать надлежащее правовое развитие страны. Хотя бы на том уровне, который был достигнут в стране к 1917 г. (дополненном позитивными разработками советского времени и первых лет демократических перемен), когда ряд высокочисленных характеристик права как высшего социального регулятора в правовой науке начали, причем – достаточно основательно, утверждаться. В том числе, определяющие нормативные принципы (начала) и высокочисленные юридические конструкции. Особенно – в области гражданского права, цивилистики.

И тут с сожалением приходится признать, что при проведении, начиная с 1991 г., «кардинальных реформ», прежде всего – экономических, основополагающие правовые начала и юридические конструкции в условиях подогреваемой острой борьбы за власть не были использованы. Даже те, которые были выработаны в предшествующие переменах годы (1988–1990 гг.). Особенно начала и конструкции,

основанные на частном праве, без которого утверждение и развитие частной собственности, цивилизованных рыночных отношений, особенно в производстве, невозможно в принципе.

В те годы юридическая составляющая проводимых властью «кардинальных реформ» свелась к копированию юридических реалий США и к самым простейшим юридическим категориям, относящимся преимущественно к рынку, – «допустить», «разрешить», «запретить», «дозволить» и т. д., а в этой связи – к использованию в сфере коммерческой деятельности зарубежных юридических форм, выработанных во имя быстрого силового экономического успеха на основе специфических институтов – «акционерных обществ» и «доверительной собственности». Институтов, отвергающих собственность в ее классическом вещном понимании, принятом в Европе на основе достижений греко-римской культуры, и органически сопряженных со стабильностью, экономической устойчивостью и ответственностью в экономической жизни.

Так что в реформируемой России при проведении реформ юридические принципы и конструкции, выражающие высшее назначение права в жизни современного общества (преимущественно в области статуса субъектов и собственности), остались в стороне, не участвовали в преобразовании и модернизации экономики. А это в фантастически благоприятной обстановке (в связи с небывалым ростом цен на энергоносители – нефть, газ – и иные сырьевые ресурсы) заморозило экономическое развитие в нашем Отечестве на стадии государственного капитализма, во многом превратило страну в сырьевой придаток мировой империалистической системы, а главное – не вырвало экономику из подчинения государственной власти, авторитарно-олигархических структур.

Вот и получилось так, что в нашей стране начиная с середины 1990-х гг. и все более и более в последующее

время даже сам термин «право» стал исчезать из официальной лексики. Центр тяжести стал все более переноситься на категорию «закон» (трактуемый во многом по модели «инструкции», произвольно определяемой властью) или вообще прямо на военную, экономическую и социальную материю.

В реальной же жизни главенствующие позиции все более стала занимать государственная власть как таковая в лице ее исполнительных подразделений, а отсюда – непосредственно силовые действия, осуществляемые напрямую, без оглядки на закон либо всего лишь облачаемые с формальной стороны в «законную форму», нередко с односторонним, вольным толкованием действующих законоположений, и так уже в немалой мере сориентированных на приоритет власти. Особенно, как ни странно и ни прискорбно, законоположений Конституции, которая, вопреки ее смыслу и букве, нередко стала трактоваться в качестве легитимной основы утверждающегося единодержавия, как это традиционно укоренилось в истории российского общества (особенно – в эпохи царизма и генсековских порядков в СССР).

V

Суть неудачи

ТЕПЕРЬ – некоторый итог ранее сказанному, в чем-то – еще одно горькое признание.

Действительное положение права в современном обществе – это не только результат наследия и инерции прошлого, попыток его реанимации, широко распространенного непонимания сути и назначения права, ошибок и промахов тех или иных деятелей, должностных лиц, науки и юридической практики (что, увы, наличествует реально, и в немалых масштабах), но и, *во многом, неизбежная, неотвратимая в современной обстановке объективная реальность, которая, по-видимому, не могла не наступить в силу фактического положения вещей, существующего ныне в нашей стране и во всем мире.*

Эта реальность утвердилась по ряду важнейших позиций к концу 1950 гг., когда произошел (с помощью, в том числе, и осознания обществом прав отдельного человека) *гигантский взлет науки и передовой техники, стремительное развитие народного хозяйства, приносящего все больше и больше благ для людей.*

Но эта же реальность стала кульминацией и выражением гигантского процесса, который поистине «перевернул мир». Притом так, что образовался новый неодолимый поток жизни: в 1950–1960-х гг. в результате гигантского развития техники и возвышения свободы лич-

ности в демократических странах наступила эра *общества потребления* (в чем-то несбывшейся коммунистической мечты – всеобщего изобилия, житья всех людей по потребностям). Да притом такого, который освещен свободой личности и механизмами свободного рынка.

Наступление такого рода эры общества потребления (и как реальности для одних стран, и как близкой перспективы или желанной мечты для многих других стран), конечно же, по своим позитивным характеристикам представляет собой достижение человечества. К тому же, с этой стороны оно легко поддается нормативно-правовому регулированию – при помощи и отработанного гражданского законодательства, и особых законодательных установлений, сориентированных на права потребителя.

Но одновременно общество потребления оказалось двуликим Янусом. По своим крайностям, которые обнаруживаются, увы, чуть ли не в каждом добром деле, и потому, что общество потребления породило *ряд принципиально новых импульсов и факторов в жизни людей и общества*.

Основной из них – это жесткий и приоритетный настрой людей, с их в общем-то извечными материальными потребностями, на благополучие по высоким стандартам, широкий и свободный доступ к все более изысканным удовольствиям, развлечениям и все более изощренным наслаждениям.

То есть не производство, его модернизация, инновационное развитие и духовное совершенствование людей, а именно потребление, возрастающее поглощение благ становится в центре людской жизни.

При этом возникло всеобщее неодолимое стремление (не только в демократических, но и во всех иных странах) как можно скорее достичь всех благ общества потребления или хотя бы видимости его, не считаясь при этом ни с чем – ни с потерями в духовной, нравственной

сферах, ни с экологическими бедами, ни с ростом негативных, разрушительных тенденций, сопровождающих настроями на неуправляемое потребление, ни с обездоленностью многих других людей и целых регионов, ни с наступающим в связи со всем этим тупиком в общественном развитии и т. д.

Отсюда же – возбуждение в связи с только что указанными обстоятельствами жестких страстей, толкающих людей к крайним действиям, особенно в сфере обладания денежными ресурсами. И тех, кто достиг высот потребления, – с тем, чтобы удержать и расширить зоны господства и наслаждений и, значит, накоплений гигантских богатств, подчас многомиллиардных состояний. И тех людей, которые удалены и порой все более и более удаляются от такого рода благ. Отсюда – нарастающий вал насилия в различных формах и его высшего и наиболее острого выражения – терроризма, который в свою очередь подчас становится особым фактором, оправдывающим встречные акты насилия и террора.

И отсюда же все более ширящееся фактическое признание того, что главным в жизни является *реально существующая в данный момент доминирующая сила (власть), способная оперативно и эффективно принимать решения, необходимые для общества потребления, запрещать, приказывать и дозволять*. Притом такие решения по схемам «ручного управления», которые при необходимости должны иметь *незамедлительный и действительный* характер. Такой силой по многовековой традиции стала трактоваться верховная государственная власть (такую же функцию обрели подчиненные верховной власти спецслужбы).

Конечно, указанные факторы и их многообразные проявления по большей части традиционно находят то или иное юридическое обоснование и оформление.

Но ни один из них (сам по себе) в современных условиях не образует, хотя бы в качестве составляющего, того.

к чему исторически и логически призвано право – стать высшим критерием и высшим регулятором поведения людей, обителью и гарантом свободы и ответственности людей с точными и равными для всех границами свободы человека. Во многих своих проявлениях они в практической жизни не соотносятся ни с историческим предназначением права, ни с особенностями его силы и требованиями.

Вот и получается, что ныне указанные выше факторы во многих случаях утверждаются и проводятся в жизнь непосредственно властью вне *величественного здания Права*, нередко – в прямом *несогласии* с ним. Отсюда происходит все большее игнорирование самой категории «право». То есть права как явления цивилизации, ее высшего достижения – не только находящегося в одном ряду с ее главными свершениями (демократией, высоким статусом человека, частной собственностью и др.), но и, «по задумке цивилизации», исторически предназначенного для того, чтобы в полной мере раскрыть и реализовать их потенциал.

Право, и это, думается, совсем не случайно, параллельно с христианством неотступно сопровождало сообщество людей. Притом особо неодолимо и впечатляюще в те эпохи и стадии развития, которые светились счастливым ожиданием и многообещающими перспективами в жизни людей.

Факты реальной жизни свидетельствуют о том, что отторжение категории «право» приобрело в результате рассмотренных ранее факторов странный, пожалуй, даже жесткий, какой-то чуть ли не демонический характер, когда официальная лексика начинает избегать самого термина «право».

А в итоге это означает то, что человечество в нынешнюю пору, казалось бы, на весьма высокой ступени развития человеческой цивилизации теряет одну из глав-

ных своих ценностей – *ТЕРЯЕТ ПРАВО*. То есть теряет одну из важнейших и глобальных своих ценностей.

Какие тут последствия и процессы?

Главное заключается в том, что возникший с конца 1940-х гг. своего рода разворот в социальной жизни на Человека, на его неотъемлемые права одновременно стал предпосылкой для общей *атмосферы вседозволенности*. Свобода в таких условиях стала восприниматься немалым числом людей в виде широкой неконтролируемой *вальницы*, одного лишь произвольного выбора образа действий и поступков, расчета на приоритетное и легкое обретение высококачественных благ и утонченных наслаждений. Или – способа быстрого и легкого решения сложнейших жизненных проблем.

Разгул страстей, в этой связи – открытый отказ от сложившихся веками критериев жизни общества и повседневного поведения, твердых оценок нормальной праведной жизни, разрушение, казалось, непоколебимых цивилизованных стереотипов поведения каждого человека, – все это открыло простор проявлениям своеволия и крайнего эгоизма, пороков и всеохватной преступности.

А это, как предрекает ряд крупных мыслителей современности, ведет не только к «концу истории», но и к катастрофическим процессам *грядущей анархии*, совпадающим по странной вселенской логике с катаклизмами в природной среде, со многих сторон подступающими к человеческому сообществу.

VI

Глобальный кризис – жестокий сигнал

В 2008 ГОДУ людей планеты Земля поразил острый кризис.

Первоначально, особенно в странах, прославивших своим материальным благополучием или (как Россия) своей близостью к нему, этот кризис был воспринят и повсеместно обозначен в качестве *финансового*. И действительно, кризис начался в США, а затем и в других странах с расстройства банковской системы в связи с ипотечным кредитованием, иных сегментов финансовой жизни. Но вскоре кризис стал все более затрагивать и другие сектора экономики, в том числе и то, что принято считать реальным сектором – производство во всем его объеме, строительство, транспорт, торговлю, коммунальное хозяйство и т. д. И с неизбежными при этом последствиями – перепроизводством и необходимостью сокращения производства, дефляцией и инфляцией, ростом проблемных активов, банкротствами, безработицей. Словом, кризис приобрел черты не только финансового, но и экономического в широком смысле.

При таких оценках, понятно, возникла необходимость более углубленного и обстоятельного анализа характера и истоков кризиса, справедливо названного «глобальным». И вот при этом анализе неожиданно раскрылась поразительная вещь. *Нынешний глобальный кризис напрямую обусловлен бедами нашей эпохи – особенностями со-*

временного экономического развития и тем, что в этих полемических заметках названо крушением права.

Вот два наиболее существенных момента, к которым в той или иной степени и различной фразеологии сводятся мнения многих специалистов.

Первое. Это то, что кризис в решающей степени вызван *стихией и импульсами потребительского общества*. Ведь именно в связи с соблазнами и манией потребительского общества, опирающимся на современную денежно-банковскую систему, возник, надо полагать, поистине виртуальный мир – *простор для перепотребления (внимание! – перепотребления)*, для широкомаштабных свободных денежных операций, особенно заемных, кредитных, то есть способных принести заемщикам и банкам легкий экономический успех, но вместе с тем порождающих квазиценности и соответствующие нравы – дешевые, лихие, незаработанные деньги, многомиллионные зарплаты, премии и отступные, бонусы, корпоративы, безудержные обретения и траты, никак не связанные с реальной экономикой, низкую по отношению к потреблению производительность труда – отвлекающие от необходимости дальнейшей модернизации самой основы экономики.

И в этой же связи возникла широко доступная на грани с законом возможность обретения многомиллиардных состояний, житья, как говорится, на халяву, не по средствам, вольные гигантские запросы и амбициозные проекты и, стало быть, в итоге, при сбое этой виртуальной системы, гигантские, неоплатные долги, другие финансовые беды, перекидывающие свои разрушительные последствия на самую основу реальной экономики – частную собственность, свободный конкурентный рынок.

Второе. Это то, что *в преддверии и во время кризиса не оказалось такого нормативного социально-регулятивного механизма, который смог бы предупредить, смягчить, а быть может, не допустить кризис-*

ные явления. Иными словами, общество оказалось лишенным соответствующего особенностям и ценностям современного гражданского общества *передового права!* Именно того права, которое было потеряно в последние десятилетия.

В этой связи приходится горько сожалеть, что никто – к великому сожалению, никто! – не обратил внимания именно на право как на важнейший инструмент, настроенный на цивилизованный рынок и передовую демократию, на право, накопившее величайшие приемы и методы решения каких угодно сложных ситуаций и проблем.

Правда, в самое последнее время все большее число специалистов задается вопросом, в частности, почему вопреки твердой парадигме частнособственнической, рыночной экономики так свободно и лихо совершаются процессы в денежно-банковской сфере?

В связи с этим и ему подобными вопросами все чаще многие основательно мыслящие специалисты и государственные деятели высказывают мнение, в соответствии с которым требуется усиление «регулятивных начал», «твердых правил», выработка совершенных «правил игры», «стандартов», притом «системных», и т. д.

Но позвольте! Ведь эти «твердые правила», «стандарты», в том числе и «системные», могут носить по канонам господства исполнительной власти всего лишь командно-административный характер, сводиться к запретительным и даже репрессивным мерам, не идти дальше избирательных разрешений и дозволений.

Между тем, современной эпохе нужны не просто некие правила и даже не просто право вообще (оно, сообразно упомянутым канонам, может быть не более чем правом власти), а развитое, передовое право, отвечающее идеалам и ценностям гражданского общества, рассчитанное, помимо прочего, на свободного человека, на свободное конкурентное общество.

Так что в итоге оказывается, что *важнейшей причиной нынешних бед стало крушение права*. Стало быть, всепланетный финансово-экономический кризис, грянувший в 2008 году, предстал по своей глубинной основе и в качестве правового кризиса, явился в известном отношении расплатой за то, что произошло обрушение права – важнейшего достижения цивилизации и культуры.

И в этой связи еще один пункт происходящих ныне кризисных событий нуждается во внимании.

Пусть не уйдет из поля нашего зрения то обстоятельство, что внезапно грянувший кризис оказался каким-то тягучим, с неотвратимой поступью, неподатливым даже самым мощным воздействиям государственной власти. И то, что кризис поразил не какие-то отдельные страны, скажем, склонные к перепроизводству, валютной агрессии или сугубо сырьевой ориентации, а, в сущности, все страны планеты, даже мельчайшие, во всех отношениях праведные.

Отсюда – вот какое предположение, пусть в чем-то даже мистическое (хотя, быть может, напрямую мирозданческого порядка). Не сигнал ли, не предупреждение ли это всей нашей эко-вселенской системы, обращенный к нам, землянам, о недопустимости в условиях развивающейся цивилизации пренебрегать или даже напрямую отвергать ее достижения, институты и о тех губительных последствиях, которые ждут человечество за эти вселенские прегрешения? В данном случае – за отвержение права, за его крушение на самом пороге тех событий, когда оно было бы в высшей степени необходимо?

VII

Возвращение Права – иного не дано

ВОТ КОНЕЧНЫЙ ВЫВОД, неизбежно вытекающий из всего предшествующего изложения. Ныне нет важнее для людей задачи, чем *понимание и возрождение права. Иного средства добиться формирования гражданского общества и справиться с кризисными и надвигающимися катастрофическими явлениями, кроме развитого права, на свете не существует.*

Только право в соответствии со своим гуманистическим потенциалом и на высоком уровне своего технико-юридического совершенства способно *сохранить и усилить юридуко-конструктивный потенциал оптимальных средств и методов, выработанных человечеством за свою многотысячелетнюю историю для того, чтобы обеспечить решение сложных жизненных проблем.* В том числе – экономических, кризисных. А также таких, которые способны противостоять насилию и произволу в обществе.

При этом необходимо сразу же заметить, что право в его высоком современном значении не имеет альтернативы. Оно не может быть заменено, казалось бы, однопорядковыми понятиями (как это, увы, происходит в практике ряда стран) – «закон», «независимый суд». Ибо указанные юридические институты, при всей их исключительной необходимости и незаменимости, раскрывают свой действительный позитивный смысл в зависимости от сути

и содержания всей правовой системы (в современных условиях – системы гражданского демократического общества) и выражены в таких общественно-политических началах, как верховенство *права* и *правовое* государство.

В обстановке же, характерной для правовых систем более низкого порядка, – права власти, свойственного, в частности, авторитарным режимам во всех их различных вариациях, указанные институции могут приобретать и фактически приобретают полностью или в решающих своих составляющих реакционный, антиправовой характер. Закон нередко становится носителем единодержавного своеволия, порой произвола, прикрываемого благообразными юридическими формулами; независимый суд включается в состав авторитарной государственной структуры, для которой сама формула и престиж «независимого суда» открывает будто бы легитимный простор для реализации произвольного усмотрения правящей власти.

Весьма симптоматично, что на современной стадии развития человечества общезначимые правовые принципы и ценности, характерные для гражданского общества, получили общемировое признание. Если после знаменитых буржуазных революций конца XVIII века они прозвучали в основном в виде декларативных, преимущественно моральных постулатов, то в нынешнюю эпоху (после ужасов тоталитарных режимов, потрясений второй мировой войны) благодаря деятельности международных институтов и правозащитных организаций они стали для всего мира непреложными константами современности. И потому даже государства, исповедующие в своей деятельности приоритет непосредственно государственных начал, в последнее время в том или ином виде декларируют, а иные даже поспешно закрепляют в своих официальных документах, нередко – прямо в конституциях, свою приверженность идеям прав человека и строгой законности. По тем же причинам, в частности, допускаемые теми или иными государ-

ствами отступления во имя, казалось бы, высшей целесообразности от общих юридических норм и принципов повсеместно все чаще оцениваются в качестве бесправия, а в России – как это прозвучало в 2008 году при выборах президента – в виде «правового нигилизма».

Достоинно внимания то обстоятельство, что в истории России реальная, все более углубляющаяся реформаторская полоса развития началась при Александре II с переустройств, имеющих именно последовательно правовую направленность, – с освобождения крестьян от крепостной зависимости, судебной реформы, внедрения земского самоуправления и последовавшей затем отработки в науке и в правотворческой деятельности соответствующего юридического инструментария в области собственности, договорного права, систематизации законодательства переносимых систем судопроизводства. И это, судя по всему, стало отправным стартом для бурного, превосходящего зарубежные аналоги развития в экономике, социальной жизни, «Серебряного века».

Да и в более поздние периоды, уже в наше время при первых шагах реального демонтажа советского тоталитарного строя («при Горбачеве» и «при Ельцине») первостепенное внимание сразу же было уделено тому, чтобы принимаемые меры нашли выражение в отработанных и проверенных на мировой практике наиболее совершенных технико-конструктивных правовых формах. Это и получило свое воплощение в ряде ранее упомянутых законов (таких как законы об аренде, о собственности, о свободе печати), а затем в Гражданском кодексе РФ, Конституции 1993 года и ряде других законов.

Скажу еще раз то, о чем мне уже приходилось говорить ранее. Создается впечатление, что Провидение в самом начале нового тысячелетия решило, замечу – жестко и грубо, – *ткнуть нас носом* в такую тяжкую прозу жизни, которую мы в чередке обыденных дел не видим (а если

видим, то главным образом в скандальных подробностях и в заидеологизированных политических штампах), но в которой, однако, отчетливо просматривается наиболее глубокое и основательное в нашей жизни – трудное, порой драматическое, не во всем еще утвердившееся становление основополагающих ценностей современной цивилизации, среди которых неизменно высокое место занимает право.

Только нужно при этом и само право понимать в том передовом значении, которое оно приобретает в гражданском обществе. Ибо лишь развитое право с его мерами свободы и ответственности, границами и гарантиями открывает человеку возможность овладевать достижениями и благами современного общества *на основе его собственной свободы*.

Впрочем, эта проблема требует уже особого и детального рассмотрения (для чего еще в докризисное время была подготовлена, а потом появилась на свет в издательстве «Норма» книга «Тайна и сила права»).

Апрель – май 2009 г.

Сергей Сергеевич Алексеев

**Крушение права.
Полемические заметки**

Издательство Института частного права
620062 Екатеринбург, ул. Ленина, 101
Тел. / факс (343) 375 65 97
E-mail: publish@privatelaw.ru
www.privatelaw.ru

Оформление обложки Т. Курмачева

Подписано в печать 03.07.2009

Формат 84x108/32

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная

Усл. печ. л. 1,86

Тираж 500 экз. Заказ № 1190

Отпечатано в типографии АМБ

Фонда развития предпринимательства АМБ

620142, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59.

Тел.: (343) 251 65 91, 251 66 05.